УДК 34

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ: КООРДИНАЦИОННАЯ РОЛЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ

Костина Д.И.,[1]

студентка,

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

Белгород, Россия

Исаева А.В.,

студентка,

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

Белгород, Россия

Аннотация: В статье исследуется координационная функция российской прокуратуры как инструмент противодействия транснациональной организованной преступности. Рассматривается международно-правовое понятие транснациональной организованной преступности по Конвенции ООН 2000 г. и его соотношение с криминологической характеристикой организованной преступности в отечественной доктрине. Анализируется механизм координации деятельности правоохранительных органов, установленный Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» и Положением, утверждённым Указом Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567. Отдельное внимание уделено международно-

[1] ***Научный руководитель: Алейникова В. А.,*** *Ассистент кафедры уголовного права и процесса, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, Белгород*
Aleynikova V. A., *Assistant, Department of Criminal Law and Procedure, Belgorod State National Research University, Russia, Belgorod*

договорной составляющей координационной деятельности - участию прокуратуры в заключении и реализации соглашений о правовой помощи, выдаче лиц, передаче уголовного преследования и возврате активов, а также проблемам квалификации транснациональной преступной деятельности по статьям 210 и 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Делается вывод о необходимости укрепления как внутригосударственного, так и международного измерений координационной функции прокуратуры.
Ключевые слова: транснациональная организованная преступность, прокуратура, координация деятельности правоохранительных органов, международное сотрудничество, правовая помощь по уголовным делам, экстрадиция, передача уголовного преследования, возврат активов, преступное сообщество.

COUNTERING TRANSNATIONAL ORGANIZED CRIME: THE COORDINATING ROLE OF PROSECUTORIAL AUTHORITIES

Kostina D.I.,
student,
Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russia

Isaeva A.V.,
student,
Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russia

Abstract: The article examines the coordinating function of the Russian Prosecutor’s Office as a tool for countering transnational organized crime. It considers the international legal concept of transnational organized crime under the 2000 UN Convention and its relationship with the criminological characteristics of

organized crime in domestic doctrine. The mechanism for coordinating the activities of law enforcement agencies, established by the Federal Law “On the Prosecutor’s Office of the Russian Federation” and the Regulation approved by the Decree of the President of the Russian Federation dated April 18, 1996, No. 567, is analysed. Special attention is paid to the international treaty component of coordination activities - the participation of the prosecutor’s office in concluding and implementing agreements on legal assistance, extradition, transfer of criminal prosecution, and asset recovery, as well as to the issues related to the classification of transnational criminal activity under Articles 210 and 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The conclusion is drawn that it is necessary to strengthen both the domestic and international dimensions of the prosecutor’s office’s coordinating function.
Keywords: transnational organized crime, prosecutor’s office, coordination of law enforcement activities, international cooperation, legal assistance in criminal matters, extradition, transfer of criminal prosecution, asset recovery, criminal association.

Глобализация экономических и информационных связей сняла многие барьеры, прежде затруднявшие преступную деятельность, выходящую за пределы одного государства: наркотрафик, торговля людьми, незаконный оборот оружия, киберпреступность и легализация преступных доходов всё чаще организуются структурами, действующими одновременно в нескольких странах и использующими различия национальных правовых систем для ухода от ответственности. Эффективность борьбы с такой преступностью определяется не только качеством уголовного закона отдельного государства, но и слаженностью правоохранительных органов внутри страны и на международном уровне. В Российской Федерации функцию такого организующего звена выполняет прокуратура, сочетающая координацию

правоохранительных органов внутри государства с участием в международном сотрудничестве по вопросам борьбы с преступностью.

Понятие транснациональной организованной преступности закреплено Конвенцией ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г., ратифицированной Российской Федерацией вместе с дополняющими её протоколами [2]. Согласно конвенционному подходу, преступление носит транснациональный характер, если оно совершено более чем в одном государстве, если существенная часть его подготовки или руководства происходила в другом государстве, если оно совершено организованной группой, действующей в нескольких странах, либо имеет существенные последствия в другом государстве. Организованная преступная группа определяется через признаки структурированности, численности не менее трёх лиц, устойчивости и цели извлечения выгоды - то есть через организационные и территориальные, а не отраслевые признаки.

Российская криминология, не используя термин «транснациональная организованная преступность» как самостоятельную категорию, описывает сходные признаки применительно к организованной преступности в целом: иерархичность, разделение функций между участниками, коррупционные связи с должностными лицами и координацию между лидерами при неравномерном территориальном распределении групп [10]. В транснациональном измерении к этому добавляется использование различий юрисдикций, когда организаторы и часть доходов выводятся за пределы страны совершения основных преступлений, что объективно требует координации одновременно на внутригосударственном и межгосударственном уровнях.

Статус прокуратуры как координирующего органа производен от её конституционного положения [1] и конкретизирован Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации», прямо относящим координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью к

самостоятельным функциям прокуратуры [6]. Выбор прокуратуры в этом качестве объясняется её положением вне ведомственной подчинённости органам - объектам надзора, что исключает конфликт интересов, неизбежный при возложении координационных полномочий на одно из заинтересованных ведомств.

Механизм координации раскрыт Положением, утверждённым Указом Президента Российской Федерации от 18 апреля 1996 г. № 567 [8]. Его участники - органы внутренних дел, органы федеральной службы безопасности, войска национальной гвардии, таможенные и следственные органы, учреждения уголовно-исполнительной системы и иные правоохранительные органы; руководство осуществляют прокуроры соответствующего уровня, председательствующие на координационных совещаниях. Основными формами координации Положение называет координационные совещания, обмен информацией, создание следственно-оперативных групп, совместные целевые мероприятия и согласованные планы [8]. Наряду с этим оперативный канал международного розыска обеспечивает Национальное центральное бюро Интерпола, действующее в структуре органов внутренних дел - одного из участников координации. Такие бюро создавались как опорные пункты международной полицейской организации для розыска лиц за границей [12].

К задачам координации Положение относит «совместный анализ состояния преступности, ее структуры и динамики», а также «обобщение практики выполнения международных договоров Российской Федерации и соглашений с зарубежными странами и международными организациями по вопросам сотрудничества в борьбе с преступностью» [8]. По мнению Н.С. Мановой, после реформы 2007 г. прокурор утратил полномочия по руководству расследованием, но «по-прежнему имеет реальные возможности влиять» на возбуждение дела и уголовное преследование [14].

Второе направление - международное сотрудничество. Генеральная прокуратура в пределах своей компетенции «осуществляет прямые связи с соответствующими органами других государств и международными организациями» и участвует в разработке международных договоров Российской Федерации [6]. Это сотрудничество централизовано: его вправе осуществлять только Генеральная прокуратура Российской Федерации, тогда как нижестоящие прокуроры участвуют через неё [13]. На практике Генеральная прокуратура ежегодно готовит заключения на проекты международных договоров, заключает межведомственные соглашения с прокуратурами иностранных государств, имеющие приоритет перед внутриведомственными актами, и участвует в работе Координационного совета генеральных прокуроров государств - участников СНГ, согласующего деятельность прокуратур Содружества по борьбе с преступностью, включая организованную [13].

Вместе с тем договорная база нуждается в обновлении: Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. [3] не содержит процедуры допроса собственных граждан запрашиваемого государства в качестве подозреваемых и, по мнению исследователей, нуждается в упрощённом порядке выдачи для целей уголовного преследования и исполнения приговора [13] - пробелы, напрямую влияющие на эффективность противодействия группам, использующим постсоветское пространство как канал перемещения фигурантов и активов.

Международное сотрудничество прокуратуры по транснациональным делам охватывает и возврат активов, полученных преступным путём: действующие конвенции ООН содержат преимущественно рамочные положения о возврате, оставляющие механизм сотрудничества на усмотрение государств, что объясняет незначительную долю фактически возвращённых активов [9]. В этом направлении Генеральная прокуратура Российской Федерации выступила инициатором подготовки соглашения о сотрудничестве

прокурорских служб государств БРИКС по возврату похищенных активов, а обновлённые международные стандарты требуют от государств эффективной национальной координации компетентных органов, включая прокуратуру, по розыску, аресту и возврату таких активов [9]. Это показывает, что координационная функция прокуратуры распространяется и на имущественные последствия преступной деятельности.

Правовую помощь дополняет процессуальное регулирование раздела XVIII Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, устанавливающего порядок запросов о правовой помощи, выдачи лиц и передачи уголовного преследования [5]. Регулирование не статично: Федеральным законом от 27 октября 2025 г. № 392-ФЗ в статьи 458-459 Кодекса внесены изменения, устранившие различие в порядке передачи материалов в зависимости от гражданства лица [7]. В литературе передача уголовного преследования рассматривается как более радикальный, чем выдача, способ сотрудничества, поскольку влечёт полную передачу юрисдикции другому государству; при этом обязывающая формулировка статьи 458 Кодекса нуждается в согласовании со статьёй 61 Конституции Российской Федерации, запрещающей выдачу граждан, и с правилами заочного производства [16]. Для прокуратуры эти изменения расширяют инструментарий на случаи, когда выдача невозможна по политическим мотивам.

Самостоятельную проблему составляет квалификация организационных форм транснациональной деятельности. Статьи 210 и 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливают ответственность за организацию преступного сообщества и участие в нём, а также за занятие высшего положения в преступной иерархии [4]; их применение к структурам, часть участников которых находится за рубежом, осложняется фрагментарностью доказательств и зависимостью квалификации от сведений, полученных по каналам правовой помощи. Проблему усугубляет и общая

непоследовательность определения организатора преступления в части 3 статьи 33 Уголовного кодекса Российской Федерации, из-за которой диспозиция статьи 210 смешивает действия исполнительского и организаторского характера, а суды, как правило, признают всех участников группы соисполнителями независимо от их роли [15]. Применительно к транснациональным структурам, где организаторские и исполнительские функции распределены между разными государствами, эта неопределённость усиливается многократно, повышая значение согласованной международной доказательственной базы.

В цифровой сфере, как отмечают Ю.А. Воронин, А.А. Дмитриева и Т.В. Кухтина, противодействие преступности требует взаимодействия на национальном и межгосударственном уровнях, а функция «главного координатора» в нём принадлежит прокуратуре [11]. Авторы считают целесообразным создать единую электронную сеть обмена информацией между участниками этой работы и относят координирующую функцию в ней к компетенции прокурорских органов.

Подводя итог, координационная функция прокуратуры имеет два уровня. Внутри страны прокурор, согласно ч. 2 ст. 8 Закона, «созывает координационные совещания, организует рабочие группы, истребует статистическую и другую необходимую информацию». На международном уровне Генеральная прокуратура заключает соглашения по вопросам правовой помощи и борьбы с преступностью, а также участвует в выдаче лиц, передаче уголовного преследования и возврате активов [6].

На этой основе можно обозначить направления совершенствования: актуализацию договоров о правовой помощи в рамках СНГ, включая процедуру допроса собственных граждан запрашиваемого государства и упрощённый порядок выдачи, при укреплении позиций российской прокуратуры в Координационном совете генеральных прокуроров государств СНГ [13]; более широкое использование передачи уголовного преследования

как альтернативы выдаче при устранении противоречия между статьёй 458 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и конституционным запретом выдачи граждан; продолжение работы над специализированными договорами о возврате активов, в том числе в формате БРИКС [9], а также включение вопросов цифровой транснациональной преступности в повестку координационных совещаний с привлечением органов финансового мониторинга. Эти меры не требуют коренной перестройки модели прокурорской координации, но способны привести её в соответствие с реальным характером современной транснациональной организованной преступности.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: https://base.garant.ru/10103000/ (дата обращения: 27.10.2026).

2. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности: принята в г. Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи ООН (ратифицирована Федеральным законом от 26 апреля 2004 г. № 26-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 40. Ст. 3882.

3. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам: заключена в г. Минске 22 января 1993 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. №17. Ст. 1472.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 4 августа 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. №25.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 27 октября 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. №52 (ч. I). Ст. 4921.

6. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 N 2202-1 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. №47. Ст. 4472.

7. Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 458 и 459 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 27.10.2025 N 392-ФЗ // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_517381/ (дата обращения: 27.10.2026).

8. Указ Президента Российской Федерации от 18 апреля 1996 г. № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. №17. Ст. 1958.

9. Бурда, Д. И., Карпович В. Э. Международное сотрудничество в сфере возврата из-за рубежа активов, полученных преступным путем: перспективы совершенствования правовой основы и практики взаимодействия // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2026. №3. С. 144–151.

10. Воронин, Ю. А. Анализ феномена организованной преступности в России: криминологические аспекты // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2017. – Т. 17, № 1. – С. 12–18. – DOI: 10.14529/law170102.

11. Воронин, Ю. А., Дмитриева, А. А., Кухтина, Т.В. Взаимодействие субъектов обеспечения информационно-цифровой безопасности: страноведческий анализ // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2022. – Т. 22, №3. С. 13–20.

12. Гасымов, Н. Г. Международная организация уголовной полиции и зарождение практики международного розыска // Московский журнал международного права. 1999. №4. С. 221–233.

13. Жидких, А. А. Участие российской прокуратуры в правовом обеспечении международного сотрудничества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2024. №10 (48): в 3-х ч. Ч. I. С. 76–78.

14. Манова, Н. С. Роль прокурора в координации деятельности органов дознания и предварительного следствия по осуществлению уголовного преследования // Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 12–20. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.2.2.

15. Саблина, М. А. Фигура организатора в соучастии в преступлении и участии в организованной преступной деятельности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. №4. С. 129–139.

16. Смолькова, И. В. Передача уголовного преследования (судопроизводства) – новый институт российского уголовного процесса // Правовое государство: теория и практика. 2026. №1 (83). С. 142–155.